

СВЕТЛАНА АЛЕШИНА

Капля яда —
море зла

Сериял «Новая русская»

Новая русская

Светлана Алешина

Капля яда – море зла

«Научная книга»

2004

Алешина С.

Капля яда – море зла / С. Алешина — «Научная книга»,
2004 — (Новая русская)

В собственной квартире убит бизнесмен Дмитрий Садовников. По подозрению в преступлении задержаны его любовница Ирина и приятель Алексей Водопьянов. Милицейское расследование заходит в тупик, и тогда дело берет в свои руки частная сыщица, а по совместительству владелица престижного ресторана «Чайка» Лариса Котова. У нее в этом деле и свой интерес: дочь Ларисы крутит любовь с братом Ирины... Круг подозреваемых настолько велик, что начинать Котова решила с тех, кто присутствовал на вечеринке. Уже была найдена кое-какая ниточка, но... Дочь сыщицы похищают! Что делать? Продолжать поиск или, бросив все, кинуться спасти девочку? Видимо, придется искать золотую середину – ведь похищение наверняка связано с убийством Садовникова...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Светлана Алешина

Капля яда – море зла

Глава 1

Анатолий Курочкин – практикующий психолог – не страдал от недостатка общения. Среди его знакомых были чиновники и дамы высшего света и богемные львы, выхолощенные ученые и молодежь, тусующаяся на дискотеках, музыканты, и силовики-эфэсбэшники, и менты, и даже некоторые представители криминального мира. Курочкина не смущала такая всеядность. Он был везде и всюду: излечивал от алкоголизма и наркотической зависимости, депрессии, пытался корректировать жизнь семейных пар. Свободное время психолог также проводил по эклектическому принципу в постоянном общении. То зайдет к знакомому философу обсудить перспективы русского национального сознания, то к историку – поспорить о геополитике Соединенных Штатов и перспективах ислама в XXI веке, то к поэтам заглянет на огонек... А иногда – пойдет и выпьет с простым работягой. Правда, с последними все же действовал осмотрительно – подобные люди становятся неуправляемы после рюмки-другой. Им подавай развлечений, соответствующих русскому национальному характеру. Таких, как, например, битие морды и наутро слезливые извинения типа «извини, братан»...

На такого экземпляра Курочкин и нарвался в компании, которая спонтанно сложилась темным ноябрьским вечером в квартире Садовникова, куда Анатолий Евгеньевич заглянул случайно. Просто встретился на улице с сокурсником, с которым когда-то грыз гранит науки в университете. Дмитрий Садовников давно уже бросил к чертям всю эту психологию и трудился в одной из частных фирм, на прочном месте какого-то менеджера. Словом, это был преуспевающий «белый воротничок», успевший жениться и развестись, он проживал теперь один и вел умеренно разгульную жизнь. Садовников взял да и пригласил Курочкина к себе вечерком.

– Вот скажи, Толян, ты за кого вообще, а? – пьяно набычившись, спрашивал у Курочкина огромный краснолицый мордорот.

Анатолий волей-неволей был вынужден фильтровать базар, или, выражаясь научно, соизмерять свой вербальный ряд со сложившейся окружающей обстановкой. Сам Курочкин был щупленьким, невысокого роста брюнетом с усиками и вряд ли что, кроме развитого интеллекта, мог поставить на кон в конфликте с краснолицым.

– Я не понял, ты за русских или нет? Ты вообще-то русский? – продолжал допытываться мордорот, которого звали Алексей Водопьянов.

Более приличествовала ему фамилия «Водкопьянов», поскольку сей индивид мог потрещать за вечер не одну бутылку русского национального напитка. Но таких фамилий не бывает. «К сожалению», – пронеслось в голове у Курочкина.

– Ну, многие корни своего генеалогического древа, так сказать, я проследить, к сожалению, не могу, – начал витиевато психолог, но Алексей не мог в силу своего состояния воспринимать столь сложные понятия.

– Ну и хрен с тобой, если ты не за Россию! – отчаянно махнул рукой Водопьянов. – Только учти, всю эту твою Америку, весь этот Запад с его гребаной демократией мы вот так вот... понял?!

Алексей взял со стола батон колбасы и, видимо, принимая этот продукт за демократию, одним ударом разломил о колено. Садовников захлопал в ладоши. Присутствовавшие на вечеринке молодые девицы присоединились к восторженному хозяину.

– Слушай, Леша, а зачем же так с демократией, а? – игриво спросила, выступив вперед, сильно накрашенная девица с большим бюстом и пухлыми губами. – Ты, наверное, так и с женщинами поступаешь?

– С женщинами я поступаю нормально! – сурово отрезал Алексей. – Как нормальный мужик, а не какой-нибудь педик.

– А кто здесь педик?! – сложила губы в трубочку другая девица, кроткого вида. – Таня, ты куда меня привела?

Накрашенная Таня закрыла рот подруги ладонью.

– Успокойся, все нормально, продолжаем веселиться.

– Точно! – поддержал Садовников и с бутылкой водки пошел к Водопьянову и Курочкину.

– Диман, я все, больше не надо, – прикрыл свою рюмку психолог. – У меня сегодня клиент еще, работать надо.

Никаких клиентов у Курочкина сегодня не было, но присутствие господина Водопьянова с его нарастающей агрессией напрягало его. Если ружье висит, оно обязательно выстрелит. Этот «Водкопьянов», русский патриот, еще покажет на что способен. А среди собравшихся Анатолий – самый подходящий объект. Щуплый – раз, брюнет – два, интеллигент – три! Надо держать ухо остро и ни в коем случае не пить лишнего. Ко всему прочему и желудок в последнее время что-то начал пошаливать. Возраст все-таки... Под сорок уже, не шуточки.

Анатолий действительно не знал, кто его отец. А мать умерла, когда Толик был слишком мал, чтобы интересоваться своим вторым родителем. Воспитывался он у тетки, которая на тему отца упорно не распространялась. А в последнее время тетя, увы, вообще тронулась умом, и Анатолий был вынужден развести руками – как психолог он ей помочь был не в состоянии.

Да, собственно, вопрос корней не очень-то волновал Курочкина. У него и без того была достаточно интересная, насыщенная жизнь. Это вот сейчас какой-то пьяница, живущий по одному принципу «перепеть всех», заставлял психолога юлить и оправдываться. Но такая уж у Анатолия Евгеньевича профессия, что он привык ко всяческим человеческим проявлениям. И подобных типов он видел не впервой.

В дальнем углу комнаты сидел добродушного вида толстяк – Андрей Панин. Он был коллегой хозяина квартиры, тоже работал в фирме и старался держаться солидно, насколько позволяло собравшееся здесь общество...

* * *

– Отравить его теоретически мог кто угодно, – чуть нервно, однако, стараясь не показывать этого, сказал Анатолий, отхлебывая кофе. – Но я ушел последним.

Этот стильный кабинет сегодня Курочкину казался мрачным и неприветливым. Сколько раз он приходил сюда этаким живчиком, человеком со стороны, по просьбе хозяйки элитного ресторана Ларисы Котовой. Давал консультации, пробовал разобраться в тех или иных характерах персонажей, с которыми Лару сталкивала нелегкая доля сыщика. Дело в том, что у Котовой было не совсем обычное для женщины хобби – частные расследования. И она немало преуспела в этом, и вот сегодня – перемена амплуа. Смена декораций. Теперь Курочкин – проситель. Более того, он как бы клиент Ларисы. Анатолий Евгеньевич привык к тому, что клиенты – это все вокруг. А он психолог, человек, который решает проблемы других. Сегодня проблемы были у него самого. Лара с ее сыщицким опытом сегодня стала самым незаменимым для психолога Курочкина человеком.

– И главное, они мне говорят, что мои отпечатки самые четкие. Но там было много народу! – Курочкин горячился и говорил не так складно, как обычно.

– Подожди, давай разберемся, – остановила его Котова. – Бери салат, кстати... французский рецепт, новинка лионской кухни.

– Потом, Ларисочка, потом! – раздраженно отмахнулся Анатолий, и сыщица-ресторатор внутренне усмехнулась.

Анатолий Евгеньевич был человеком не то чтобы жадным, но очень экономным. Больше всего он обожал халяву. Бесплатно проехать в транспорте, найти десять копеек и даже бутылку из-под пива, которую пропустил своим зорким взглядом бомж, – для него было счастьем. Он никогда не отказывался от застолья, которое устраивала ему за консультации Лариса. Более того, он даже намекал, чтобы ему завернули кое-что домой.

– Давай я тебе расскажу еще раз все по порядку.

– Хорошо, давай, – согласилась Лариса и, откинувшись в кресле, закурила свои любимые сигареты «Кент Лайтс».

* * *

– Девчонки, давайте выпьем за процветание, понимаете, нашего бизнеса, – широко улыбаясь, произнес Андрей Панин.

– А что за бизнес? – кокетливо спросила вульгарная Таня.

Ее более кроткая подружка тоже заинтересовалась.

– А вы что, не знаете? – хмельно встрял Водопьянов.

– Ну, дело в том, что мы познакомились с Татьяной недавно, – дружелюбно начал Панин. – А Леночка так вообще появилась в нашей компании впервые, так что все вполне естественно. А занимаемся мы продажей компьютеров. Вот Дмитрий, – он кивнул в сторону Садовникова, – у нас менеджер. А я, так сказать, старший менеджер. Дело, в общем, выгодное, но и у нас бывают трудности.

– Трудности есть у всех, – вступил в разговор Водопьянов. – Вот у меня, например...

– Леха, про твои трудности давай не будем распространяться, – неожиданно сурово посмотрел на Водопьянова хозяин квартиры.

– Не будем, – нехотя и мрачно согласился Алексей.

Он явно был недоволен тем, что его прервали. Это отметил Курочкин, который радовался тому, что внимание потенциально опасного собутыльника отвлеклось от его персоны.

Был поднят очередной тост, и психолог, которому, несмотря на протесты, была налита полная рюмка, предусмотрительно лишь пригубил ее. Водопьянов, естественно, отдал дань водке сполна. Девушки в плане спиртного разделились. Новичок Лена предпочла вино, Татьяна же наравне с мужчинами пила водку.

Садовников тем временем стал посматривать на часы. Его захмелевшим гостям было все равно, но наблюдательный психолог, разумеется, уловил настроение старого приятеля. Курочкин решил, что наступил подходящий момент, чтобы откланяться и отправиться восвояси. И расслабиться наконец в чинной беседе с неформалом Рябцевым, жившим по соседству.

Анатолий Евгеньевич подумал, с каким удовольствием покинет эту малоприятную компанию, и позвал Садовникова покурить на кухню.

– Да, сегодня, Толик, может быть, мешает, так сказать, нашему общению мешают, – неуклюже построил фразу Дмитрий, закуривая.

– Да нет, ничего, все нормально. Дело в том, что у меня, батенька, клиент скоро должен прийти, так что... – завел свою песню о несуществующих делах психолог, пытаясь поскорее смыться.

– Клиент – это дело хорошее, – согласился Дмитрий. – Тут вот еще что... Ко мне дама должна прийти одна.

– Какая дама? – оживился Анатолий Евгеньевич. – Сегодня?

– Да, – кивнул сокурсник. – У меня есть одна мысль. Может, познакомить ее с тобой? Ты, по-моему, всегда отличался повышенным интересом к женщинам.

Курочкин дипломатично промолчал.

– Понимаешь, она мне поднадоела слегка... Все вроде нормально, а... Ну, короче, ты понимаешь? – с надеждой взглянул на него бывший сокурсник.

– Понимаю... Спихнуть мне хочешь? – усмехнулся Анатолий Евгеньевич.

– Почему сразу спихнуть? Дело в том, что она человек вроде хороший, может обидеться, если ее просто послать. Провоцировать конфликт я не хочу, – признался Садовников. – А ты заодно и психологические проблемы ее решишь. Если они возникнут, конечно, после расставания со мной.

– Ну вот, здарсьте-пожалуйста, – улыбнулся Курочкин. – Сейчас никто не заморачивается подобными проблемами. Надоела – посылают, и все. А ты...

– Но я же психолог в душе. Все-таки как-никак.

– Ну, хорошо. А эти-то куда денутся? – Анатолий повел глазами в сторону комнаты, где шло веселье, слышался смех и громкий голос Водопьянова.

– Выпровожу. Откровенно говоря, нагрянули они в определенной степени случайно. Алексей – это... Ну, в общем, неважно. Андрей Романыч, коллега мой, с девицами пришел – вот это неожиданность. Но он уйдет, я скажу – уйдет. Он, наверное, эту овечку Лену, которая сидит тихонько в углу, для меня привел. Идти, правда, ему особо некуда – он женат. Так, развлекается по случаю, деньги пробухивает. Но все равно уйдет. Я скажу – уйдет.

Садовников повторял эти слова, словно желая убедить себя в том, что так оно и будет. Он скажет – и Андрей уйдет.

– А что, он твой начальник? – осторожно поинтересовался Курочкин.

– В какой-то мере, – вздохнул Дмитрий и повторил: – В какой-то мере.

Потом махнул рукой, как бы отряхивая то, что занимало его последние минуты, и спросил, глядя в глаза Анатолию:

– Ну что, останешься?

– Если ты спровадишь их, ладно, пожертвую клиентом, – отозвался Курочкин.

Ему было легко согласиться, так как никакого клиента у него и в помине сегодня не было, а с неформалом Рябцевым можно пообщаться в любое удобное время. Психолог заглохнул наживку. Какая-то таинственная дама, с которой можно что-то закрутить, – что может быть лучше для Анатолия Евгеньевича?

* * *

«Да уж, заглохнул», – мысленно прокомментировала Лариса, отмечая, как Курочкин с тоской смотрит на яства, стоявшие на столе. Он, конечно, съел бы их с удовольствием, но сегодня... Сегодня у него не было ни аппетита, ни настроения.

– Ну и что же было дальше? – спросила Котова.

– Все шло вроде бы нормально, – пожал плечами Анатолий. – Снова стали выпивать. Водопьянов, конечно, старался больше всех. Садовников... – психолог немного помолчал. – Понимаешь, он выглядел так, как будто его гложет какая-то проблема. Но, как ты, должно быть, понимаешь, Ларочка, обстановка была не та, чтобы я это попытался выяснить.

Лариса кивнула.

– Причем проблема эта совсем не в надоевшей любовнице, которую я так и не увидел. Дело в чем-то другом. Эх, мало мы пообщались! Очень мало! Если бы побольше, я бы вытянул у него всю информацию.

– Но почему же ты все-таки ушел, так и не дождавшись той дамы? – спросила Котова.

– Садовникову кто-то позвонил. Кто – не знаю. Он тут же вышел с телефоном, оставив меня одного на кухне. Вернувшись, извинился, сказал, что на сегодня все отменяется. Ну я хлебнул чайку на дорожку и ушел. По правде говоря, у меня, матушка, не было особого желания знакомиться с этой Ириной. По-моему, так он ее назвал. Я в последнее время очень моногамно ориентирован стал, знаете ли... Так, бывают иногда заскоки, но в основном я изменился, веду праведную жизнь, не ударяюсь в беспорядочность, стараюсь, так сказать...

– Но хотя бы кто звонил – мужчина, женщина? – прервала зачем-то оправдывающегося Курочкина Лариса.

– Если бы я знал, то непременно сказал бы, – с укором ответил психолог. – В милиции я то же самое говорил, но там и слушать не захотели. Вернее, выслушали, но с усмешкой. Мол, ты это сам придумал. Нет, меня не арестовали, потому что прямых улик не имеется.

Подписку взяли, ну, как это обычно бывает. Я уж и своим знакомым силовикам позвонил, всех на уши поднял. Но я так понимаю, что, пока ты не возьмешься за это дело, ничего не будет толкового. И для тебя, Ларисочка, новое дело наверняка интерес представит. Развеешься... А то я смотрю, закисла совсем в этих стенах, – Курочкин обвел глазами кабинет.

– Нет, сказать, чтобы я закисла, не могу, – улыбнулась Лариса. – И не горю желанием снова заняться сыском. Погода плохая, ноябрь, темень, сыро, слякотно. В ресторан даже ехать неохота, не говоря уже о каких-то криминальных делах. Хочется закрыться дома, у камина и ничего не делать.

– Ну... Так нельзя! – выдавил из себя приторную улыбку Анатолий Евгеньевич. – Ты прекрасно выглядишь, цветешь просто! Но мысли у тебя не соответствуют внешнему виду!

– Это как? – подняла брови Лариса.

– Желание посидеть дома у камина – это, как говорят психологи, знак приближения осени жизни.

– На пенсию меня сплавляешь? – нарочито сурово спросила Котова.

– Ни в коем случае! – снова залился соловьем психолог. – Я же говорю – ты отлично выглядишь! Если бы я не стал сейчас таким поборником моногамии, я бы на тебя набросился, как лев в порыве страсти...

Анатолий заговорил с притворным блеском в глазах, пытаясь изобразить из себя возбужденного самца.

– Просто я хочу сказать, Ларочка, что, возможно, это дело будет для тебя интересно. У меня, например, нет никаких версий. Вернее, есть... Я так думаю, что отравил Дмитрия тот человек, что звонил ему по телефону. Вероятно, просил о встрече. Не исключено также, что это сделал кто-то из сидевших с нами за одним столом. А может быть, это была та самая любовница! Кто знает? Может быть, она попросила Садовникова, когда тот сказал обо мне, чтобы никого лишнего не было?

– Тогда бы он не стал выходить с телефоном в соседнюю комнату, – тут же отреагировала Лариса.

Курочкин изобразил скептическую гримасу:

– Дмитрий – человек очень закрытый. По крайней мере, насколько я его помню по университету. Мало ли кто звонил, все равно лучше уйти, чтобы никто ничего не слышал.

Лариса пожалала плечами. Она не настаивала на стопроцентной правоте своих слов. Тем более что она не знала ни Садовникова, ни его девушку, ни вообще кого бы то ни было, о ком рассказывал Анатолий. Случилось это три дня назад, Садовникова сегодня похоронили, а милиция успела уже напрямь бедного Курочкина.

– Ты на похоронах не был? – спросила Лариса.

– Нет, у меня в университете сейчас полон рот забот! – отмахнулся психолог. – Потом в милиции... Совсем не ко времени. Клиент еще трудный попался, но денежный. В общем, я

очень загружен, а здесь такое дело. Ведь хотел по другой улице пойти, помнится, перед тем как встретиться тогда с Димкой. Хотел! – плачущим голосом воскликнул он.

Но тут же профессионально взял себя в руки:

– Ну, ничего страшного. Такие происшествия только закаляют выдержку, тренируют психологическую устойчивость к стрессам... Жизнь – штука сложная, порой абсурдная. Ничего страшного!

– Да, я тоже так думаю, – согласилась Лариса. – Они не смогут тебя привлечь только на основании того, что ты ушел последним из квартиры.

– Но затаскают ведь, матушка, затаскают! – заныл Анатолий. – Ты возмись за это дело, возмись! Если что – я с тобой тренинг бесплатный проведу! Муж как – попивает или бросил? – с надеждой в голосе спросил Курочкин.

– Да вроде бросил, – не очень уверенно ответила Лариса.

– С таким стажем, как у него, ему нужно обязательно пройти курс реабилитационных техник, – уверенно заявил психолог. – Я могу устроить. Это стоит, правда, двести долларов, но для твоего мужа, разумеется, бесплатно. А как дочка? В каком классе?

– В институт поступила, в экономический, на первом курсе, – с гордостью ответила Котова. – Уже студентка.

– Как обстановка в семье? Детско-родительские отношения как? Молодежным экстремизмом дочка не болеет? Отношения с парнями складываются? – забросал вопросами Ларису психолог.

Та откровенно рассмеялась. Она понимала, куда клонит Курочкин. Конечно, было бы смешно ожидать от него денежных предложений. Не только потому, что он был не слишком богат.

Благосостояние его было, скажем так, на хорошем среднем уровне. Но принцип, принцип! Ни единой лишней копейки! Даже в таком серьезном деле. Бартер, что угодно, только не деньги!

– Если что, можешь обращаться, пускай приходит, проконсультирую, тренинг проведу, в транс введу... – не обращая внимания на смех Ларисы, продолжил Анатолий Евгеньевич. – Денег у меня, к сожалению, матушка, нету. Это ты у нас, новая русская, а я бедный преподаватель.

– Толик, – снисходительно прервала его Котова. – Если я и возьмусь за это дело, то не за деньги. Они для меня в этом деле не главное.

Анатолий мелко закивал в знак согласия.

– А теперь еще раз, пожалуйста, все, что происходило после вашего разговора на кухне и когда вы остались вдвоем с Садовниковым, – по-деловому попросила Лариса.

Курочкин с готовностью стал рассказывать.

* * *

Садовников после телефонного разговора выглядел довольно хмуро. Это, как ни странно, отметил именно Водопьянов, будучи сильно подшофе. Андрей Романович забавлял своими рассказами «а-ля Швейк» обеих дам. Причем, как отметил Курочкин, новенькая девушка в компании, Лена, стала посматривать на Панина с явным интересом.

– Я не понял, ты чего такой смурной, а? – пробасил Водопьянов, оглядывая Садовникова.

– Да нет, все нормально, – ответил Дмитрий, продолжая хмуриться. – Кстати, я все приготовил.

– Приготовил – и хорошо, – отрезал Алексей. – Только не сегодня.

Ответом ему послужил удивленный взгляд Садовникова.

– Я не в форме, – объяснил Водопьянов.

– Ну а... – протянул Дмитрий, косясь в сторону Курочкина, которому непонятна была суть этого диалога, хотя он и внимательно слушал.

Что касается остальных, то они были заняты своими разговорами и не обратили внимания на странные фразы.

– Выйдем покурить, – предложил Водопьянов, качнувшись на стуле, который жалобно заскрипел под массой его тела.

Оба исчезли на кухне. Курочкин, обрадовавшись тому, что неприятный краснолицый мордоворот ушел, вздохнул и принялся активно поглощать еду. Главный принцип его жизни «всегда на халяву» торжествовал. В тот момент он не придал особого значения диалогу хозяйки квартиры и Водопьянова. «Какие-то их дела, не хотят при всех, понятно», – мысленно прокомментировал он. Тем более что вскоре они вернулись.

Садовников выглядел повеселевшим. Панин, которому наскучило развлекать дам, обратился ко всем с банальным предложением выпить. Был поднят еще один тост. После чего неожиданно встал со своего места Водопьянов.

– Так я пойду, у меня еще куча дел, – проговорил он.

Фраза была абсолютно обычна, если только не учитывать того факта, что произнесший ее был сильно пьян. Какие могли быть дела в таком состоянии, непонятно. Но, кроме Курочкина, никто не оценил комичность сказанного.

Панин активно запротестовал, и Садовников жестом попросил Алексея присесть обратно. А старшего менеджера хозяин квартиры увел на кухню. «Еще один раунд», – пронеслось в голове Анатолия.

Через открытую дверь из кухни в комнату доносились лишь отдельные фразы. По ним можно было сделать вывод, что коллеги недовольны друг другом. Андрей явно не желал уходить, но Садовников настаивал.

Тут к Курочкину снова пристал Водопьянов, и психолог не смог далее следить за обрывками разговора Панина и Садовникова.

– Запомни, психолог, – шумно выдохнул мордоворот. – Россия не погибнет никогда. Ислам против нас – никто. Запад – тоже. Поэтому мы будем жить, а они будут работать на нас.

Анатолий Евгеньевич хотел возразить. Разумеется, он не разделял чрезмерного оптимизма собеседника. Но вступать в серьезный геополитический спор в данной обстановке да еще с пьяным оппонентом он посчитал нецелесообразным.

– Вполне возможно, лет через двадцать оно так и будет, – осторожно согласился он.

– Не через двадцать, а через пятьдесят, – неожиданно возразил ему Водопьянов. – Нас уже не будет. Или мы будем кто?.. Жалкие старикашки. А дети будут жить в новом мировом порядке. У тебя дети есть?

– От первого брака, – ответил психолог.

– Ты еще и многоженец, – вздохнул «больной политик». – А вот у меня нет. Потому что я в браке не был.

– Ой, а почему? – встряла в разговор вульгарная Татьяна, глупо улыбнувшись.

Девушки притихли, поскольку простой и понятный в разговоре Андрей Романович удалился и возникли скучные и неинтересные, по женским понятиям, споры о глобальных вещах. И вот, кажется, снова разговор вырывает на человеческие рельсы. Брак, дети... Вот о чем можно поговорить! А то – ислам, Россия, Запад! Кому это нужно?

– Потому что не нашел человека, с которым было бы интересно, – ответил Водопьянов.

– А что значит – интересно? – почувствовав, что нельзя выпускать инициативу из рук, спросила Татьяна, стреляя на Алексея глазами из-под густо накрашенных ресниц.

– Интересно – значит интересно, – глубокомысленно изрек Алексей.

– А расскажите, какие девушки вам нравятся, – игриво спросила Татьяна.

Вопрос был совершенно недвусмысленный. Разумеется, Водопьянову предлагалось в общих чертах обрисовать, что ему нравятся примерно такие девушки, как Таня. Это был мостик, проложенный к дальнейшему общению. А девица, похоже, заинтересовалась могучим любителем выпить.

Панин и Садовников по-прежнему что-то обсуждали на кухне.

Они даже прикрыли дверь, чтобы никто не мог их услышать.

– Внешне мне нравятся многие девчонки, – начал распространяться Водопьянов. – Но главное, как вы понимаете, не это.

– Душевные качества, красота внутреннего мира, – поддакнул Анатолий Евгеньевич со своей психологической колокольни.

– Правильно говоришь, психолог! – одобрил Алексей и продолжил: – Вот давайте, девчонки, выпьем, и я скажу, какие мне нравятся. Хотя вы мне нравитесь уже сейчас.

– Как? Обе? – кокетливо обиделась Татьяна.

– Обе – это многоженство, – отрезал Алексей. – По этому поводу к господину психологу, он в этом плане специалист.

– Ну что уж вы, батенька, меня причисляете... – со своей стороны начал кокетничать Анатолий Евгеньевич.

– Тебя за язык никто не тянул, ты сам признался, что многоженец, – категорично заявил Водопьянов.

– Да я просто... – начал было психолог, но Алексей его уже не слушал, разливая по рюмкам водку.

Кроткая Лена прикрыла ладошкой свой фужер.

– А вино кончилось, – хохотнула ее подруга.

– Но я водку не пью, – тихо сказала Елена.

– Понятно, – с усмешкой отозвался Алексей. – Значит, тоже нерусская.

– Да, я из Коми-Пермяцкого автономного округа, – серьезно ответила девушка.

Это заявление вызвало секундное замешательство у Водопьянова.

– Не понял, – выдавил он наконец. – Откуда-откуда?

– Это на севере, там...

– Где олени, наверное, – рассмеялся патриот. – Увезу тебя я в тундру!

Лена не оценила юмор, только вежливо хмыкнула. А потом добавила:

– У нас там красиво, особенно зимой.

– Верю, – ответил Алексей. – А чего же тогда водку не пьешь, если сама с севера?

– Ой, ну, Леша! – вступила Татьяна. – Ну, не хочет человек, зачем заставлять? Правильно я говорю? – обратилась она за поддержкой к Курочкину.

Но тот решил ни в чем не перечить Водопьянову и дипломатично промолчал.

– Не хочешь – не надо, – поставил точку в этой дискуссии Алексей. – Нам больше достанется!

В этот момент в комнату вернулись Панин с Садовниковым. На лицах у них было недовольство. Андрей Романович сразу же отозвал в сторону Татьяну и, по всей видимости, объявил ей о том, что пора уходить. Девушка явно расстроилась – окончание застолья не входило в ее планы.

– Давай, Алексей, по последней, – сказала она и протянула Водопьянову рюмку. – Если уж нас здесь не хотят видеть, то... Ничего не напишешь.

– У Дмитрия дела, – коротко объяснил Панин.

Подруги были недовольны тем, как складывается обстановка. Облегченно вздохнул только Курочкин.

Немного погодя гости начали собираться. Водопьянов и Садовников обсудили в очередной раз свои дела в стороне от компании, Панин помог одеться Лене и хотел было предложить свои услуги Татьяне, но та презрительно отвернулась.

– Ну, в общем, давай до завтра, Диман, – Алексей с размаху хлопнул своей ручищей по плечу хозяина.

Садовников аж пошатнулся от такого прощания.

– Завтра я зайду часов в семь, – уже в дверях крикнул Водопьянов.

Панин попрощался довольно сухо, Лена тихо проговорила вежливое «до свиданья», а Татьяна вообще ничего не сказала.

Когда наконец гости ушли, Курочкин, радуясь наступившему спокойствию, весело спросил:

– Не жалеешь, что выгнал их? А то могла получиться неплохая компания. Твоя бы Ирина пришла, и у них вроде как пары намечались?

– Нет, не надо этого, – махнул рукой Садовников. – Я вообще не знаю, с чего это вдруг Андрей Романыч своих... как бы это сказать помягче... притащил? Ни с того ни с сего. У меня были другие планы...

* * *

– Вот, в принципе, и все, – подытожил Курочкин.

Похоже, к нему постепенно возвращалась некая уверенность, а следовательно, и аппетит. Лариса спросила:

– Общение твое с Садовниковым, говоришь, было недолгим?

– Недолгим, – подтвердил Курочкин. – Потом ему кто-то позвонил, и он сказал мне, что все отменяется. Ну, это я говорил уже...

– Теперь мне кое-что ясно. Вернее, ясно только то, что было ясно тебе. Остальное, напротив, ничего не ясно, – задумчиво проговорила Лариса.

Курочкин кивал в такт словам сыщицы. Он всецело был настроен на то, чтобы поддакивать всему, что бы она ни говорила. Ему очень хотелось, чтобы Котова занялась этим делом.

– Ну так что, матушка, согласна? – напрямую спросил психолог.

– Не знаю, Анатолий, я все обдумую, завтра с тобой свяжемся, и я дам окончательный ответ. Я, кстати, позвоню знакомым ментам, узнаю, что там у них по этому делу.

– Да-да, обязательно, – обрадовался Анатолий Евгеньевич. – Я, правда, своих тоже напряг, но у тебя, конечно, более серьезные связи. Ты все-таки столько времени занимаешься подобными делами, немудрено.

В дверь кабинета осторожно постучали, и на пороге появился администратор ресторана «Чайка» Юрий Степанович Городов.

– Лариса Викторовна, тут... Документы необходимо подписать. Я бы с удовольствием, так сказать, сам, но я, к сожалению, не директор.

Глаза его, как всегда в таких случаях, излучали ехидный огонек. Котова вздохнула и не удержалась:

– Я думаю, что все-таки к счастью.

– Что «к счастью»? – не понял Степаныч.

– К счастью, что не ты директор.

Городов шумно вздохнул и потупил взор. Он демонстрировал всем своим видом, что у него есть ответ на этот пассаж, но он будет сдержан, поскольку присутствует посторонний человек, то есть Курочкин. А так он очень возмущен словами Котовой, очень!

Психолог на то и был психологом, чтобы почувствовать – его присутствие стало обременительным. Поэтому он поднялся, с сожалением посмотрев на недоеденный лионский салат.

– Лара, в общем, я жду твоего звонка. Или позвоню сам, – делано-оптимистичным тоном проговорил он.

Лариса кивнула в знак согласия. Курочкин надел пальто, потом вдруг что-то вспомнил и вновь подошел к столу. Увидев, что в его чашке остался кофе, он решил по-быстрому исправить эту ошибку. Стоя, он допил его, удостоившись насмешливого взгляда администратора, и наконец откланялся.

– Лариса Викторовна, а кто этот... задохлик? – с лукавой, кривой усмешкой осведомился Степаныч, когда Анатолий Евгеньевич исчез за дверь.

– Он психолог, – ответила Котова. – Между прочим, тебе у него не мешало бы подлечить нервишки, тренинг пройти.

– Но... Ведь это же дорого! – почесав голову, воскликнул Городов. – Тренинг – это неплохо, но ведь все это деньги! А нервишки у меня расшатались из-за дур этих!

– Ты про жену и тещу?

– Да, – Степаныч вложил в ответ максимум яда.

– Ладно, давай свои документы! – махнула рукой Лариса, которой совсем не хотелось слушать очередные истории про дурость жены и тещи администратора.

По его версии их жизненная миссия только и сводилась к тому, чтобы отравлять его, Юрия Степановича, и без того жалкое существование. Так было всегда, так оно и будет. Ничего нового Городов поведать своей начальнице про свою семейную жизнь не мог...

* * *

Резкий порыв ноябрьского ветра вмиг сорвал пожелтевшие листья с деревьев, и они, кружась и кувыркаясь, стремительно полетели по воздуху.

Ирина Кондратьева поплотнее запахнула воротник синего кашемирового пальто и прибавила шагу. «А ботиночки-то не греют совсем, – констатировала она, почувствовав, как мерзнут ее ноги в купленных на прошлой неделе черных замшевых полусапожках, – нечего было мажорить и гнаться за модой, насколько комфортнее было бы в каких-нибудь грубоватых ботах на меху».

Но Ирина никогда и никому, кроме себя, не призналась бы в том, что сглупила с этой покупкой. Она до хрипоты доказывала бы, что совершенно не мерзнет, и вообще чувствует себя замечательно, и ничуть не жалеет, что выбрала именно эти сапожки – остроносые, на вычурных тонких каблуках, но такие холодные, черт бы их подрал! «И главное, стоили, как...» – она не нашла сравнения и сокрушенно вспомнила, с каким чувством, словно от сердца отрывала, платила в кассу огромную сумму. И ведь на базаре можно было купить дешевле, но – фи! Какой базар, я же стильная женщина!

Ирина принадлежала к так называемой богемной среде. Мать ее была театральной актрисой, и девочка с раннего детства проводила много времени в ее гримерке. Отец преподавал в университете, весь был в науке и не мог уделять дочери должного внимания. Росла Ирина сама по себе. И, повзрослев, любила говорить о себе так: «Я сама по себе». Двадцать шесть лет, мужа нет, детей нет – сама по себе. «И отлично, что все так! – в очередной раз подумала она, откидывая со лба свои огненно-рыжие волосы. – Я ведь стерва! Зачем мне семья?»

Взять вот, например, Катерину – двадцать один год, а уже муж и дочка. И что? Никакой жизни! Впряглась сама в этот воз! И ведь все есть: и деньги, и внешность, и молодость – живи и радуйся! – так нет же, захотелось хомут на себя надеть. «А я так не хочу!» – решительно притопнула ногой Ирина и, ощутив, как ветер коварно пробирается под кашемир, заспешила дальше, к той самой Катьке, с жизнью которой только что сравнивала свою.

Раньше жили в одном доме, но Ирина «соплячку» в детстве просто игнорировала. Однако когда той исполнилось лет семнадцать, разница почти перестала ощущаться. Обе с удивлением

вдруг обнаружили, что легко находят общий язык. И остальные девчонки охотно приняли добрую, веселую, немного легкомысленную хохотушку в свою компанию. Катька выросла в очень обеспеченной семье, но со строгими родителями. И ее тянуло к Ирине, которая казалась ей воплощением самой жизни.

У подруги все было окутано ореолом таинственности, романтичности, загадочности – всем тем, чего так не хватало вполне благополучной, но слишком уж скучной Катькиной жизни.

Она рано выскочила замуж. Естественно, за состоятельного человека, который был старше ее на пятнадцать лет. Он возглавлял крупную строительную фирму.

– Ну ладно замуж, но ребенка-то зачем рожать? – недоумевала Ирина. – Ты для себя поживи!

А Катьке очень хотелось стать взрослой. К тому же ребенок, по ее мнению, должен был избавить ее от скуки. Так родилась Олеся.

Молодая мать относилась к ней скорее как к младшей сестренке, чем как к дочери. Заботилась, конечно, по мере сил, но всегда была рада, когда девочку забирали родители. От скуки-то Катька избавилась, но не подумала, что вместе со скукой уйдут из ее жизни и беспечность и беззаботность. Жить они с мужем переехали в дом напротив – специально купили там квартиру, чтобы Катеньке быть поближе к родителям. Муж любил свою молоденькую жену просто безумно, потакал всем ее капризам, а Катька... Катька немного жалела, что опять в ее жизни все получилось слишком правильно, так, как надо, слишком хорошо и благополучно. А хотелось сильных страстей, которых всегда с избытком хватало Ирине. Но Кондратьева вместе с тем, отчаянно страдая по материальному достатку, пыталась искусственно вносить в свою жизнь ощущение полета – того, что могло бы заменить богатство, по ее мнению. Отсюда бесконечные разговоры о тайных поклонниках, осыпающих ее букетами экзотических цветов и режущих из-за нее вены.

Катька слушала, ахала, охала, вздыхала и верила, верила безоговорочно всему, что плела подруга. Вот и сейчас Ирина спешила к ней, чтобы поделиться рассказами о своем новом любовнике. Любовник, честно говоря, был так себе, но Ира уже продумала, как представить эту историю Катьке, чтобы та просто ошалела от зависти.

Ирина бежала к Катьке с работы, которая надоела до чертиков. Посудите сами, что это за работа – библиотечка? Тоска непролазная! То ли дело театр... Девушка до сих пор не могла себе простить, что не пошла в театральное. А все мать. Категорически заявила, что только через ее труп дочь пойдет в «этот вертеп». Однако сама без «этого вертепа» жить не могла. Ирина же была абсолютно уверена в том, что у нее талант. И сейчас, когда время было безвозвратно упущено, она любила иногда встать перед большим зеркалом, гордо откинуть голову и произнести цитату из какой-нибудь трагедии. Она считала, что создана именно для трагедии...

«Может, потому и вся жизнь моя – одна сплошная трагедия? – подумала она вдруг и, содрогнувшись от этой мысли, одернула сама себя: – Блин, да что я такое несу! У меня же все нормально! Более того, у меня все просто отлично!»

Ветер налетел очередным шквалом, Ирина бегом бросилась к Катькиной девятиэтажке.

Войдя в лифт, она стянула перчатки и подула на покрасневшие пальцы. «И перчатки дерьмо! – заключила она, нажимая на кнопку с цифрой шесть. – И вся жизнь – дерьмо!»

Катерина встретила подругу радостным визгом, бросилась ей на шею.

– Ладно тебе, – смеясь, чуть поморщилась та. – Чего делаешь-то?

– Да что мне делать! – вздохнув, развела руками Катька. – От скуки умираю. Мой ребенка повез в цирк, а я вот одна сижу.

– Ладно, сейчас я тебя развеселю.

– Отлично! – обрадовалась мымра-мать. – Ой, как здорово, Иринка, что ты зашла. Проходи, проходи, кофе будешь?

– И кофе, и пожарить чего-нибудь – я с работы, – бесцеремонно ответила старая подруга.

Это, впрочем, давно уже вошло в привычку. К тому же Катерина нисколько не противилась такому милому нахлебничеству. Она даже потакала ему, наперебой предлагая все, что было в холодильнике. И сейчас хозяйка метнулась в кухню, приплясывая от радости.

Хлопнула дверца холодильника, и зазвенели тарелки. У Катерины всегда можно было вкусно поесть. Огромный «Стинол» всегда был забит всяческими деликатесами, которые с приходом гостей выгружались на стол, – Катюха была нежадной.

– Иди сюда! – весело крикнула она, высовываясь из кухни.

– Сейчас, руки помою, – откликнулась Ирина, проходя в ванную и намыливая руки ароматным жидким мылом.

Парфюмерия, которой были заставлены все полочки в ванной, была, конечно, высшего качества, и Ира невольно в очередной раз позавидовала своей подруге. «И почему ей всю жизнь везет? И ведь главное, она словно не ощущает этого. Как будто все это богатство – как само собой разумеющееся...»

– Ира! – Голос подруги оторвал ее от невеселых мыслей. – Ну ты идешь?

– Да, – ответила Ирина, недовольная собой. В самом деле, чего опять раззавидовалась? Ведь она же любит Катюку, и шла к ней вовсе не для того, чтобы сравнивать ее и собственный достаток.

На столе уже были выставлены разнообразные баночки, скляночки, красивые упаковочки...

– Только бутерброды сама делай! – заявила Катерина, влезая ложкой в банку со сгущенкой.

– Все сладкое лопаешь? – не удержалась Ирина. – Гляди, разнесет тебя. И так поправились...

– Как? – испугалась подруга и даже вскочила. – Где поправилась? – Она вылетела в коридор и закутилась перед огромным зеркалом.

– В заднице прибавилось, – посмеиваясь, отозвалась Ира, намазывая бутерброд черной икрой.

Катя вернулась и обреченно плюхнулась на стул.

– Это все сгущенка, черт бы ее побрал... – с грустью констатировала она. – На шейпинг надо идти.

– Ладно, не переживай! – махнула рукой Ирка, зная, как расстраивается подруга по поводу своей фигуры.

– За месяц спадет, как ты думаешь? – спросила Катя так серьезно, что Ирина не выдержала и прыснула.

– Спадет, конечно, – успокоила она свою доверчивую подругу. – Все нормально будет. Тебе двигаться надо, а на сгущенку поменьше налегать.

– А, ладно! – махнула рукой Катя. – С завтрашнего дня начну, а пока можно.

Сразу повеселев от принятого решения, она разлила по чашкам кофе, бухнула себе три ложки сахара, добавила столько же сгущенки и с удовольствием принялась пить свой коктейль.

– Так что ты хотела мне рассказать? – спросила она, с набитым пирожным ртом.

– Ох! – Ирина томно закатила глаза, выдержала паузу, а потом резко выдохнула: – У меня новый поклонник!

– Да ты что-о? – протянула Катюка. – Везет же! Ну, говори.

– Ну что говорить? – притворно вздохнула подруга. – Познакомились, он пригласил в ресторан, отвез домой... Потом позвал к себе. На ночь... – добавила она.

Катя слушала, затаив дыхание.

– А наутро, пока я спала, – вдохновенно продолжала Ирина, – он встал и съездил за огромным букетом роз и осыпал меня ими...

– Да ты что? – Глаза подружки стали совсем огромными, и она зачерпнула еще сгущенки. – А где же розы?

– Да я их на работе оставила! Пусть наш скучный зал украшают.

– Здорово! – вздохнула Катя.

Ирина, забавляясь от души, рассказывала о своих приключениях, уплетая бутерброды, потом неожиданно встала и сказала:

– Ну, мне пора.

– Как, ты уже уходишь? – расстроилась Катюха. – Посидела бы еще.

– Не могу, не могу, – вздохнула Ирина. – Меня ждут.

И, чмокнув подружку в пухлую румяную щеку и помахав ей рукой в черной перчатке, упорхнула из квартиры, оставив Катерину одну – завидовать и мечтать о том, как когда-нибудь и у нее появится прекрасный поклонник. Муж, конечно, в расчет не берется. Войдя в лифт, несостоявшаяся актриса устало прислонилась к стенке. Вот ведь надо же! Ну что за жизнь?! Только глупенькая Катюха и позавидует!

«А может, не ходить? – с тоской подумала она. – Пошли бы они к черту, эти козлы!» Но она знала, что все равно пойдет, потому что уже привыкла так жить. Мужчин в ее жизни было много. Сколько? Она не считала. Зачем? Она их просто использовала, а они – ее. Всегда было так. Никогда никого не любила, никогда никто ее не любил. Жалко...

Ирина откинула неприятные мысли и вошла в соседний дом. Поднявшись по лестнице на третий этаж, она остановилась, обернулась, убедившись, что ее никто не видит, и позвонила. «Хотя зачем прятаться! – досадуя на саму себя, подумала она, – наверняка весь дом в курсе. Разве от соседей что скроешь?» На звонок никто не открыл, хотя Ирина ясно слышала звуки музыки, доносившейся из квартиры. Она раздраженно позвонила несколько раз. Никто не открывал. «Ну и пошел ты!» – с каким-то даже облегчением подумала Ирина, собираясь уходить, как вдруг заметила, что дверь приоткрыта. Подумав, что поклонник, наверное, специально оставил ее незапертой, она прошла в квартиру.

Дмитрий лежал на кровати, его руки безжизненно свисали вниз.

– Эй! – позвала Ирина. – Вставай, мой птенчик, твоя ласточка прилетела!

И тут только заметила, что у мужчины закатились глаза и вывалился язык. Ирина отшатнулась. Чувствуя недоброе, осторожно взяла его за руку и тут же отбросила ее – рука была абсолютно холодной. Ира отшатнулась и сделала несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться, потом рука ее потянулась к сумочке за сигаретами, но неожиданно замерла на полпути.

Ирина опрометью кинулась в туалет, сотрясаясь там в приступе нахлынувшей рвоты. Когда она, шатаясь, вышла оттуда, держась за стены, то долго не могла заставить себя войти в комнату, где лежал труп. Но идти было нужно – она оставила там свою сумку, просто уронила ее на пол, кинувшись в туалет.

«Сейчас, сейчас, – успокаивала она себя. – Я постою немного и войду туда. Возьму сумку и сразу же уйду. И надо, наверное, в милицию позвонить, и в «Скорую»...»

И куда в критическую минуту девались ее выдержка и хладнокровие? Ирина стояла в коридоре и набиралась решимости.

– А чего это у соседа дверь-то открыта? – послышался вдруг с лестницы женский голос. – Коль, зайди, а?

– Да чего тебе надо! – недовольно откликнулся мужчина. – Мало ли что там у человека, твое какое дело!

– Ну а может, случилось чего? – не унималась женщина. – Я все-таки загляну...

Ирина вжалась в стену, потом метнулась в спальню.

– Коля! – услышала она громкий крик женщины. – Да он мертвый тут! Надо милицию вызывать!

Тяжело протопали мужские шаги, и Ирина, не соображая, что делает, вылетела из спальни, быстро миновала коридор и выскочила на лестницу. Она неслась, перепрыгивая через несколько ступенек, не зная, заметили ее соседи или нет, и в голове ее билась только одна мысль – скорее подальше отсюда! Разум словно покинул ее, и она подчинялась только эмоциям. А они гнали ее прочь.

Ира очнулась, когда обнаружила, что сидит на лавочке рядом со своим домом и пытается найти в карманах пальто сигареты. Потом медленно в ее памяти стали всплывать последние события, и до нее дошло, что сигареты остались в сумочке, а сумочка – о господи! – в квартире, где лежит труп.

«Наверное, уже милиция приехала... – отрешенно подумала она. – Меня ищут... Ищут, ищут, – монотонно застучало в висках. – Куда же теперь идти? – растерянно спросила она себя. – Домой нельзя, нужно где-то пересидеть, все как следует обдумать. Черт, ну почему я сразу не вызвала милицию!» Ноги окончательно продрогли. Жутко хотелось курить.

В кармане пальто гремела какая-то мелочь. Ирина порадовалась и этому: и купила в ближайшем ларьке пачку сигарет, стараясь не думать о ногах, которые уже начало ломить от холода.

Глава 2

Лариса полулежала, откинувшись на спинку дивана и по-мужски сцепив пальцы на животе, и смотрела в одну точку. Ее взгляд упирался в то место, где стена стыкуется с потолком.

– Ты что, мать, медитируешь? – нарушил ее тягостные думы муж Евгений. – Смотри, зарабатываешь себе искривление позвоночника.

– Пусть, – безразлично отозвалась Лара.

– Что значит пусть? Будешь сутулая, горбатая и некрасивая. Как с тобой потом на людях показываться? Стыд и позор моим сединам! Да и твоим тоже.

«Умеет поднять настроение, ничего не скажешь», – подумала Лариса, а вслух сказала:

– Типун тебе на язык, – и запустила в супруга одну из маленьких подушечек, валявшихся на диване.

– Ай-ай-ай, не шали! – игриво предостерег Евгений. – Значит, стать горбатой не страшно, а поседеть боишься?

– Я и так сижу, – обиженно отшутилась Лариса.

– Чего дуешься? Обидел кто? – поинтересовался благоверный, плюхаясь рядом.

– Судьба.

– Ах она, злодейка! – иронически посочувствовал Евгений.

– Обделила, – добавила Лариса секунду спустя.

– Обделила, обсчитала?

Жена ничего не ответила, придя к выводу, что разговор с мужем, изначально неконструктивный, совсем потерял для нее интерес.

– А по-моему, тебе грех жаловаться, – как бы взвесив все в уме, продолжил тот. – Ты посмотри, какая у тебя дочка – умница, красавица!

– Угу. Вся в папу, – ехидно дополнила Лара. – Кстати, где она? – И посмотрела на часы, которые показывали половину одиннадцатого вечера.

– А муж у тебя какой? – не унимался тем временем Евгений, не обращая внимания на реплику жены относительно отсутствующей дочери. – Золото, а не муж. Сказка.

– Песня, – нехотя поправила Лара.

– Ты со мной согласна. По глазам вижу, что согласна. Не каждой так в жизни везет. А ресторан? А деньги? – начал перечислять Евгений. – А вот это все? – Он широким жестом руки окинул комнату. – Так что тебе просто повезло.

– Да уж, счастье привалило, – Лариса вдруг улыбнулась. – Болтун ты неисправимый. Болтун и трепло. Язык без костей, как у бабы.

– Главное у человека – душа, – возразил Евгений. – Согласна? Нет? По глазам вижу, что согласна.

– Надо же, какой наблюдательный, – отметила жена.

– У меня глаз-алмаз. Хватит дуться, плюнь на все, если что и не так. Образуется, перемелется, – он легким движением руки смахнул невидимую соринку с брюк, будто отметаая всевозможные жизненные неприятности, возникшие сегодня на пути его посмурневшей супруги.

– Хорошо, уговорил, – Лариса поправила рукой волосы, ниспадающие на глаза.

– Может, перекусим? – предложил оптимистично настроенный Евгений.

Что в переводе, однако, означало: а не пойти ли тебе, любезная жена, на кухню и не приготовить что-нибудь для меня? Заодно и развеешься...

Лариса неторопливо встала и двинулась на кухню. И хотя мрачные мысли еще не улетучились, от беззаботной трепотни Евгения все же стало немножечко спокойнее и уютнее на душе.

«Какая же это все-таки странная штука – самокопание, – подумала Лара. – Удовольствия никакого. Сплошные душевные муки. К чему оно вообще? Ан нет же. Стоит появиться в голове хотя бы какому-нибудь самому крохотному сомнению, и нате вам, пожалуйста. Сразу тянет на самоанализ.

Вспоминается все плохое, что с тобой когда-либо произошло. Пусть даже это было сто лет назад. А потом начинаешь чувствовать, как все это начинает давить на тебя так, что в глазах темнеет».

Возможно, это правда, что пессимист – это помудревший оптимист. Но почему же тогда у столь мудрых людей не хватает ума не заниматься самоуничижением по всяким поводам, которые регулярно возникают на жизненном горизонте?

Продолжая размышлять за приготовлением еды, она вновь рисковала загрузить себя начавшими уже было расплзаться прочь отрицательными эмоциями. Но на пороге кухни возник вездесущий законный супруг с сигаретой в одной руке и с пепельницей в другой.

– И чем это у нас так вкусно пахнет? – заискивающе произнес он.

– Свеженарезанным хлебом. Нравится? – снова заершилась мастерица кулинарных дел.

– Еще бы, – хмыкнув, согласился он. – Не забудь еще посолить для аромата.

– Не забуду, – отмахнулась Лариса. – А вот где у нас Настя все же, хотелось бы знать! Наверное, опять без разрешения к себе на квартиру поехала.

– Ты никак не можешь понять, что дочь уже взрослая, – поднял бровь Котов. – Наверное, где-то со своим этим... Костей прохлаждается.

– Прохлаждается ли? – покачала головой Лара.

– Она человек взрослый, разберется, как проводить свободное время, – отрезал Евгений. – Надеюсь, ты не упустила в свое время ее половое воспитание?

Лариса нахмурилась. Да нет, вроде не упустила. Но бойфренд по имени Костя не внушал особого доверия. Какая-то не совсем благополучная семья, отца вроде бы нет, а мать – так, недоразумение одно. Работает в какой-то фирме, получает тысяч пять, живут совсем не так, как Котовы. Впрочем, обычная семья. С другой стороны, разве это важно? Лишь бы люди хорошие были! Хотя Настя привыкла к тому, чтобы ее холили и лелеяли. Она единственная дочь, а мама с папой, то есть Лариса с Евгением, никогда ни на что не скупилась, чтобы потрафить дочке. Как этот Костя будет справляться с ее запросами, непонятно.

Ладно, все! Лара решительно оборвала свои мысли. В конце концов, это их дело. Чего вмешиваться? Нина Андреевна, ее мама, тоже давала в свое время ей такие советы, с которыми она бы далеко по жизни не уехала. А Евгений по молодости так вообще казался будущей теще придурком. Собственно, наверное, так оно во многом и есть...

Она усмехнулась. Прожито уже почти двадцать лет, было и хорошее и плохое, а живут, однако, они вместе, несмотря ни на что. Но время позднее, а Насти нет. Ночные улицы отнюдь не безопасны...

Думать о плохом не хотелось. Но все же какое это неприятное дело, сидеть, ждать и волноваться. Лариса почувствовала себя в шкуре своей матери, на которую в свое время очень злилась, когда та сердито выговаривала ей за позднее возвращение. Время возвращало сейчас все шары назад. И, как бы ни успокаивала себя Лариса, что волноваться глупо, но все равно спокойно думать о чем-то другом она не могла. Например, о том, заняться ли делом о таинственном отравлении Дмитрия Садовникова, которое, можно сказать, подсудропил ей психолог Курочкин, или же послать его подальше.

Она не дала Анатолию Евгеньевичу твердого согласия, намереваясь продумать ответ сегодня вечером. Но уже одиннадцать вечера, а этой негодяйки нет дома. Она даже не удосужилась позвонить. Настя откровенно заставляла нервничать родителей, по крайней мере, мать. Отец выглядел более спокойным, но и он через час наверняка уже начнет метать икру.

Наконец раздался снизу электронный сигнал домофона, который возвестил – пришел кто-то свой.

Настя зашла, раскрасневшаяся, видимо, от холода. А может быть, и еще от чего-нибудь. Лариса нахмурила брови и строго зыркнула на дочь.

– Да я понимаю все, – беспечно отмахнулась Анастасия. – Понимаю. Я не позвонила. Потому что мне было некогда и... в общем, обстановка не та была.

– Какая же была обстановка? – вздохнула Лариса.

– Мама, ну давай не будем насчет этого, – дочь явно не была расположена к ссоре. – У меня для тебя есть важные новости, которые гораздо интереснее обсуждения того, что я не позвонила домой.

– А могла бы, между прочим, это и сделать! – тоном назидательного папаши, очень по-театральному, заявил Котов, зашедший в комнату.

Он был в очках, которые стал надевать с недавних пор, поскольку с возрастом начала прогрессировать дальнозоркость. Ему не хватало только старомодной жилетки, чтобы выглядеть подобно какому-нибудь мещанину, персонажу пьесы Чехова.

Настя только поглядела в сторону отца, а потом снова перевела взгляд на мать.

– Мама, у меня действительно серьезные новости.

– Какие же? – нахмурился Котов, которому, видимо, какие-то свои мысли пришли в голову.

– Нет, я пока еще не беременна, – парировала Настя. – Неужели вы думаете, что для моего возраста только эта проблема является серьезной? А у меня, между прочим, дело именно к маме.

– К маме? – Евгений нахмурился еще сильнее.

– Да, и очень важное. Поэтому пойдем посоветуемся.

Евгений махнул рукой и со злостью бросил газету на стол. Мать с дочерью удалились в другую комнату. Котов тяжело вздохнул и пошел к холодильнику, где у него была припрятана бутылка коньяка, к которой он время от времени прикладывался.

– Так что у тебя там произошло? – спросила Лариса, когда они с Настей остались вдвоем в комнате дочери. Слева мерцал звездами компьютер в ждущем режиме, справа стоял аквариум, который тоже давал подсветку. Все это создавало немного загадочную атмосферу.

– Понимаешь, я иду по твоим стопам, мама, – тихо произнесла Настя, растягивая слова.

– То есть? – вскинула брови Лариса, потянувшись к выключателю.

– Не надо, не включай свет. Потому что момент немного мистический, даже страшно как-то.

– Что такое? – обеспокоилась Лара. – Что случилось?

– Понимаешь, Костя... Ну, Костя...

– Ну! – Мать вся горела от нетерпения.

– У него есть сестра, Ирина.

– И что?

– У нее неприятности, и я согласилась ей помочь. Вот и все, – чуть улыбнулась дочь.

Эта улыбочка показалась в аквариумно-мониторном свете Ларисе довольно зловещей. Впрочем, Настя вообще сегодня выглядела как-то не так. Наедине они общались не так часто. Вернее, виделись они каждый день, но уже давно между ними не было разговоров, что называется, по душам. Все как-то обыденно, обсуждались бытовые проблемы, формальные «как дела» и все в таком духе. Тем тревожнее, а вместе с тем интереснее становилась нынешняя ситуация.

– Слушай, Настена, давай не томи меня, а! – стараясь подавить раздражение, проговорила Лариса.

– Ладно, все! – подняла руки дочь, сдаваясь. – Короче говоря, эта самая Ирина влипла. И похоже, по уши. Конечно, может быть, милиция разберется, но кто ее знает! Ведь сама много раз говорила, что пока не вмешаешься, бог знает что может произойти.

– Во что влипла? – уже ровнее спросила Лариса, успокоившись, что «влипла» не ее дочь, а кто-то другой.

– Понимаешь, все так случайно произошло...

И Настя, наконец включив свет и усадив маму на кровать, обстоятельно рассказала ей о случившемся с Ириной Кондратьевой в тот злополучный вечер.

Параллельные прямые иногда пересекаются. Нарушение законов геометрии иногда все же происходит. Эта история очень напоминала другую, рассказанную сегодня днем психологом Курочкиным. Только там была прелюдия, а здесь – эпилог. А между ними произошло убийство, был отравлен некто Садовников. И любовницей его оказалась та самая Ирина, которая является сестрой Кости, а Костя... Господи боже мой! Как тесен мир! Уж не думала не гадала Лариса Котова, что такое может произойти. Чтобы ее Настя... Да она вообще старалась никогда не распространяться при ребенке о своих делах – а их было слава богу ой-ой-ой сколько! Но ребенок, как выяснилось, сам впутался в чужую, темную историю. И несколько об этом не жалеет! Ребенок, впрочем, потому и ребенок, чтобы не понимать серьезности некоторых вещей. Даже если ему восемнадцать!

– Так вот, я и попробовала помочь, – простодушно заключила Настя.

– Вся помощь отменяется, – твердо сказала Лариса. – Этим делом займусь я.

– Я так и знала, что этим кончится! – патетично вскинула руки Настена. – Не хотела тебе ничего говорить! Да не надо помогать, я справлюсь сама. Лучше дай мне консультацию!

Лариса молча покачала головой в знак полнейшего отрицания и жестко сказала:

– Ты в этом ничего не понимаешь! К тому же почему ты так уверена, что эта Ирина ни в чем не виновата?

– Как это? – осеклась Настя. – А Костя?

По ее понятиям, видимо, тот факт, что Ирина является сестрой ее Кости, должен был полностью исключить участие этой самой Ирины в преступлении. Вернее, даже самую возможность того, что она в этом замешана.

– Мне от тебя сейчас нужен только честный, правдивый рассказ о том, что произошло. Когда она пришла, как выглядела, что ты потом делала? И почему, главное, ты об этом мне не рассказала в тот же день?! Почему только сегодня я об этом узнаю?

Настя нахмурила брови. Да, вышло так, как она и боялась.

Мать не желала признавать ее как потенциальную сыщицу, она лишь отчитывала ее и упрекала.

* * *

Произошло это три дня назад.

Настя с Костей мирно сидели и пили кофе.

– А кто ремонт-то здесь делал? – поинтересовался молодой человек, оглядывая новенькие обои в модном «евродизайнерском» духе.

– Родичи, конечно, – лениво ответила Настя. – Вернее, не сами, а... Ну, в общем, папаня нанял рабочих, они здесь все и сделали. А почему это тебя так интересует?

Костя не ответил. А в душе немного позавидовал. Вот ему бы такую отдельную квартиру, хотя бы вот такую же однокомнатную! Слов нет, у Насти родители – люди продвинутые. Вон, дочке апартаменты отдельные подарили. Но пока учится, не разрешают сюда переезжать окончательно. А у Кости своей жилплощади нет. И непонятно вообще, будет ли когда-нибудь. Да и сестра тоже без квартиры мыкается. В общем, у матери одна забота – куда бы их спихнуть.

А Ирка так вообще засиделась в девках, о чем думает – непонятно. А он-то сам что? Только-только в институт поступил, за деньги, между прочим. Зато в экономический! Вот Настя нарисовалась опять же... Расходы... Правда, она сама кого хочешь содержать может, да и квартира есть. Но все это несолидно как-то...

Конечно, молодые они, и не навеки эти тусовки. Наверняка потом будет кто-то еще, и Настя останется лишь эпизодом молодости.

– Слушай, ты что сегодня такой смурной, а? – придвинулась поближе к нему Настя.

– Тебе показалось, – отговорился Костя.

– Родителей моих вспомнил? – догадалась подруга. – Загрузился по поводу того, как тебя в последний раз мать встретила? Так она всех так встречает! А папаня вообще добрый только тогда, когда выпивает. А в последнее время это не так часто происходит. Что в принципе хорошо...

– Да отец, кстати, у тебя нормальный. По компьютерам у меня консультировался, у него какая-то игра там не шла, я ему объяснил, он поблагодарил. Так что все нормально.

– Ну, я рада, – ответила Настя.

Костя обнял ее, а вскоре губы обоих соединились в долгом поцелуе. И очень некстати прозвучала трель мобильного, раздавшегося из Костиного пиджака. Настя, не прерывая поцелуй, замахала руками, показывая, что, мол, на фиг телефон, не время!

Однако прошло, наверное, с полминуты, а трель не умолкала.

– Слушай, может, случилось что-то? – покачал головой Костя, отстраняя Настену.

Он вытащил из пиджака мобильник и нажал кнопку.

По мере того как он слушал звонившего, лицо его мрачнело. Потом он отстранил трубку от уха и спросил у Насти:

– Это сеструха моя, у нее неприятности, говорит, что попала крупно. Просит о помощи...

Настя пожала плечами:

– Ладно, пускай приезжает...

Она не была знакома с сестрой Кости и никогда даже ее не видела. Знала только, что она лет на восемь старше его.

– Откуда она поедет-то? – спросила Настя.

– От Стрелки, – назвал ориентир Костя.

– В таком случае мы успеем, – усмехнулась подруга.

Константин все понял без лишних слов, и поцелуй, прерванный телефонным звонком, возобновился с новой силой...

Ирина была сама на себя непохожа: запыхавшаяся, нервозная, резкая.

– Вы одни, больше никого нет? – спросила она брата и, когда тот растерянно кивнул, быстро прошла в комнату и, сев на стул, тут же достала сигарету и прикурила дрожащими руками.

– Что случилось? – спросил Костя.

– Ой, извиняюсь, – заметила наконец Ирина Настю. – Здесь курить-то можно?

Девушка кивнула.

– Ты чего в пальто-то сидишь? – спросил Константин.

Ира нервно встала, небрежно скинула его на кресло.

– Хреновые дела у меня, – устало бросила она, задумчиво глядя в окно.

– С матерью, что ли, поругалась? – осторожно поинтересовался Костя, понимая, однако, что в этом случае сестра не стала бы терзать его мобильный и тем более ехать на квартиру к его девушке.

– Если бы... – невесело усмехнулась Ира. – У меня убили любовника.

– Что? – обалдел Костя. Настя ойкнула.

Ирина нервно ходила по комнате, сжимая и разжимая пальцы. Потом села на стул и принялась рассказывать...

– ...Вот такая, значит, фигня... – стряхивая пепел в блюдце, закончила она. – И что теперь делать – ума не приложу!

– Но ведь ты ни в чем не виновата! – с жаром воскликнула Настя. – Он же просто умер, и все!

– Ага, умер! – покачала головой Ирина.

– Ну почему обязательно ты виновата? – вступил в разговор Константин. – Ты-то здесь при чем?

– А сбежала зачем? – в свою очередь спросила Настя.

– А действительно, зачем? – поддержал ее молодой человек.

– Тебе легко говорить! – раздраженно ответила Ирина. – Сидя здесь на стульчике! А я тогда не соображала, что делаю! И главное, сумку там оставила, твою мать! – Она стукнула кулаком по столу, сжала зубы.

– Ну что в этом такого уж страшного? Максимум, что будет, так это узнают о твоей связи с ним, и все! – попытался разрядить обстановку брат.

– И так уж все знают! – махнула рукой Ирина и закурила очередную сигарету.

В пачке оставалась одна, последняя.

– У тебя сигареты есть? – хмуро спросила она.

– Есть! – с готовностью ответил Костя, доставая из кармана пачку «Бонда». – У тебя что же, и денег нет? – добавил он.

– Они в сумке остались. Блин... Чего делать-то? – с какой-то надеждой посмотрела Ирина почему-то на Настю.

А та была, кажется, рада, что судьба ей подкинула такое приключение. Она сделала загадочное лицо, подняла указательный палец и произнесла:

– У меня мать – частная сыщица! Я помогу тебе!

Костя посмотрел на нее совершенно опешившим взглядом, потом накинулся на сестру:

– Слушай, Ирка, а почему бы тебе просто не пойти домой, и все?

– Ага, а меня там уже ждут, дома! – нервно выкрикнула она в ответ.

– Ну и что? Сразу все и расскажешь. Реши разом эту проблему, ты же не будешь теперь прятаться все время!

– Нет, – решительно вклинилась Настя. – Надо кому-нибудь пойти туда и разузнать все. Например, мне... Или тебе, – она кивнула на Костю.

– Я знаю, кто это сможет сделать, – уверенно сказала Ирина. – Моя подруга Катя. Она туда пойдет, и в случае чего – если менты уже там – нам отзвонится.

Спустя полминуты она уже разговаривала с Катериной.

– Кать... – просительным тоном говорила подруга, вкратце объяснив ситуацию. – А ты не сходишь туда сама, а? Ну просто на разведку, чтобы мне полегче стало.

– Я? Ну я даже не знаю. Вообще я думаю, ты зря волнуешься! – Катин голос был хорошо слышен из динамиков мобильного.

– Кать, сходи, а?

– Ой, ну ты прямо меня загрузила...

– Только туда и обратно!

– А что я узнаю-то?

– Ты зайди, спроси, не приходил ли кто. А потом с бабульками покалякай у подъезда.

– Ну ладно, – раздалось из трубки. – Я постараюсь.

* * *

Катерина выскользнула на улицу и зажмурилась от ударившего в лицо холодного ветра.
«Какие на фиг бабульки! – подумала она. – Они все по домам сидят в такую холодину. Что же мне, по квартирам ходить?»

Добежав до Ириного дома, она бросила взгляд на свои бывшие окна. В свое время они и подружались-то с Ириной благодаря тому, что жили в одном доме.

«Зайти, что ли, к родителям?» – с тоской подумала Катюха, почувствовав, как ей хочется просто поговорить по душам, поделиться новостями... Но, вспомнив, чем каждый раз оборачивались подобные визиты, решительно заспешила к Ириному подъезду.

...– Привет, – томно улыбнулась Тамара Александровна, открывая дверь. – Проходи, солнце. Только Ирки нет. И не знаю, когда будет. Но мы с тобой сейчас кофейку попьем. А где твое сокровище-то?

– Оставила с мужем, – ответила Катерина. – Скажите, Тамара Александровна, а к вам никто не приходил? – спросила она, проходя на кухню.

– Нет, зайка. А кто должен был прийти? – удивилась мать Ирины.

– Ну, я думала, может, кто из девчонок, – выкрутилась Катерина, чувствуя, что краснеет. Она очень не любила и не умела врать.

– Нет, не был никто, – ответила Тамара Александровна, ставя чайник на плиту.

Катя посмотрела на нее и в очередной раз убедилась, насколько подруга похожа на свою мать. Тома, как звали ее друзья и даже дочь с сыном, была высокая, статная, рыжая, с ослепительно белой, словно прозрачной кожей. В красивых зеленых глазах таился живой огонек и какая-то смешинка. На Катерину словно бы смотрела Ирина, ставшая вдруг старше на двадцать лет.

Впрочем, для своих сорока шести Тамара Александровна выглядела просто великолепно. Лицо было гладким, без единой морщинки, а волосы – ах уж эти волосы, предмет вечной зависти! – пламенным водопадом спускались на плечи.

Катерина тоскливо прикоснулась к своим волосам, которые, в сущности, были не хуже, только черные, и в очередной раз задумалась над тем, а не выкрасить ли их в такой же цвет? А потом в очередной раз поняла, что ничего хорошего из этого не выйдет. Во-первых, такой божественно красивый медно-рыжий оттенок может подарить только сама природа, а во-вторых, сколько ни крась, а волнистыми от этого волосы не станут.

Тамара Александровна тем временем уже разливала кофе по чашкам.

– Есть хочешь? У меня колбаса есть.

– Да нет... – смутилась Катя. – Не надо.

– Чего «не надо»? – махнула на нее рукой Тома, доставая из холодильника батон колбасы и нарезая его толстыми, неаккуратными ломтями.

– Готовить некогда, – словно оправдываясь, сказала она. – На работе же все время. А то иногда задерживаешься, сейчас вон еще на одну работу устроилась, Костя в институте учится, с девчонкой встречается, тоже расходы...

– Надо же, а! – удивилась Катя, которая видела сына Тома последний раз довольно давно, и в ее представлении он был еще несмышленным подростком.

– Да, какая-то богачка у него... Мажорка, как он говорит. Но с квартирой! – подняла палец Тамара Александровна. – Так что... Может, еще и поженятся.

– Вряд ли, – махнула рукой Катя. – Ему же всего-то ничего, восемнадцать.

– Восемнадцать мне уже, ты целуй меня где? – улыбнулась Тома, лукаво глядя на подругу дочери. – Везде! Песни-то слушаешь? То-то же!

– Да... – понимающе протянула Катерина, кладя колбасу на хлеб. – И значит, вы довольны выбором сына, Тамара Александровна?

– Конечно, не то, что эта стрекоза Иринка! – махнула рукой та. – Эта вообще с ветром в голове! Вот и у тебя, и у Ульяны – мужья, дети. А она? Ну куда это годится?

Примерно в таком ракурсе и продолжался дальше разговор. Тамара Александровна всю критикувала легкомысленную дочь и хвалила серьезного сына. Хотя подругу сына она не видела, но из-за наличия у потенциальной невесты квартиры питала к ней самые добрые чувства. Катька внимательно слушала, прихлебывая кофе.

Наконец она сочла свою миссию выполненной и поднялась.

– Я пойду, не буду больше ждать – вдруг Ирина вообще не придет.

– Может, и вообще не придет, – вздохнув, согласилась Тома. – Чего ей? Дело молодое, вертихвостка, одним словом!

Катерина распрощалась с Тамарой Александровной, выходя из подъезда, несколько раз придирчиво осмотрелась. А то, может быть, милиционеры притаились где-нибудь да только и ждут, когда Ирина пойдет домой, а они ее цап-царап! Нет, конечно, глупости это все! Они бы давно уже приехали. У Катьки отлегло от сердца. Нет, все же умеет подруга влипать в истории! Правильно Тома ее ругает, правильно! Вот она и Ульяна, еще одна их подруга, – девушки серьезные, замужние. Ну ничего, для Иринки эта история уроком будет. Выяснится, конечно, что она не виновата ни в чем, об этом Катерина даже не беспокоилась.

* * *

– Ну вот, отзвонилась эта Катька, – продолжала рассказ Настя. – Сходила она к матери, выяснила, что там все тихо. Потом мы вина выпили все троим, Костик сбегал... Ну а потом домой поехали.

– Понятно, – отозвалась Лариса.

Настя покачала головой, демонстрируя тем самым, что мать своими старорежимными высказываниями порядком достала. Разумеется, девушка опустила в своем рассказе эпизод с поцелуями. Она вообще о своей личной жизни не рассказывала родителям ничего. Они знали только, что Костя – ее друг, а какие уж отношения их связывают и насколько они серьезны, об этом она не распространялась.

– Я, между прочим, пообещала, что, возможно, смогу ей помочь, – напомнила Настя.

– И что же ты предприняла? – тут же спросила Лариса. – Ведь несколько дней уже прошло!

– Мы проследили за домом этого Садовникова. Туда менты только приходили, больше никого.

– А зачем следили?

– Ну, мало ли... – отозвалась Настя.

Лариса вздохнула и покачала головой:

– В общем, так, Настена, давай самодеятельность прекращаем, я сама занимаюсь этим делом. И никаких «но»! – повысила мать голос. – Давай мне все адреса, явки и пароли, – пошутила она. – А на ту квартиру больше пока не ходи. Поняла?

– Почему? – удивилась Настя.

– Нечего там тебе делать. А с Костей своим вне и в институте видите.

Анастасия ничего не ответила. Она была разочарована тем, как складывались обстоятельства. Лариса же, решив, что на сегодня информации довольно, встала и пошла к выходу.

– Так, а с Ириной-то что сейчас, ты не в курсе? – спросила она вдруг, останавливаясь в дверях.

– Костик говорит, что сидит тихо, как мышь, и никуда не высовывается, – ответила Настя, садясь за компьютер. – Сейчас почти надо прочитать, может, информацию какую новую он мне скинул по имэйлу...

«Техника на службе молодежи», – подумала Лариса, закрывая дверь. После этого разговора ей стало окончательно ясно, что отвертеться от дела Садовникова не удастся. Курочкин – знакомый довольно шапошный, ему можно и отказать. Тем более что ничего ему на самом деле не угрожает, никто его напрасно не обвинит. А вот сестра бойфренда дочери – совсем другое дело. А Настя не остановится. Лариса знала, что дочь характером пошла в нее, так что если что запало, значит, пойдет до конца. Только как бы игра в шпионов-сыщиков не закончилась плохо... Кто его знает, кто там виноват в убийстве этого самого Садовникова?!

* * *

Следующий день Ларисы начался с размышлений по поводу перспектив внезапно упавшего на ее голову практически с неба дела. Настя уже ушла в институт, и дома они были вдвоем с Евгением, сидели на кухне и завтракали. Вид у пары был какой-то отрешенный.

– Ну что, опять поток сознания? – прервал ее размышления муж. – Прямо слышно, как мысли по извилинам шуршат. Шарик такие перекачиваются туда-сюда.

– Мне что, даже подумать нельзя? – нахмурилась Лариса.

– Слишком долго не стоит, – покровительственно заметил Евгений. – Расслабься, отдохни, а то голова будет болеть. Весьма, доложу я тебе, неприятное ощущение, – поморщился он.

– Вспомнил свое алкогольное прошлое? – не осталась в долгу Лариса.

– К сожалению, настоящее, – серьезно ответил Котов. – Меня головные боли уже достали. Между прочим, они появились сразу после того момента, когда я бросил пить.

– И какие же выводы ты сделал?

– Они очевидны, – вздохнул Евгений. – Только ведь если снова пить будешь, голова не пройдет. Только будет болеть уже с похмелья.

– Значит, пора на вечный покой?

– Этого, мать, ты не дождешься, – с какой-то радостью сказал Евгений. – А вот тебе нужно быть поосторожнее, а то можешь меня опередить в этом плане ненароком.

– Ну и шуточки у тебя! – вырвалось у Ларисы. – И тем не менее у меня к тебе вопрос.

– Какой же? – поднял брови вверх Котов.

– Ты когда на работу пойдешь?

– Вот, спровадить решила, – заворчал муж. – Ничего, уже скоро. А у тебя что, снова приключения намечаются?

– С чего ты взял?

– А я тебя изучил за время совместной жизни, – ничтоже сумняшеся отозвался Котов. – У тебя на лице появляется совершенно особое выражение, когда ты намереваешься посвятить себя любимому хобби. Оно совершенно особенное, его ни с чем не спутаешь. Я даже затрудняюсь его описать. В зеркало смотреться абсолютно лишне, – махнул рукой Евгений. – Нет! Там будет обман. Только когда ты погружена в свои мысли, оно появляется.

– Ладно, я уже поняла, что для тебя я – прочитанная книга, – сказала Лариса. – Так ты на работу когда собираешься?

– Дай кофе допить! – возмутился Котов.

Потом посмотрел на жену, взял чашку и удалился к себе в кабинет.

Когда он ушел, Лариса почувствовала себя спокойнее. Ничего такого обидного муж, конечно, не сказал, но вторжение в ее мысли сегодня было абсолютно несвоевременным. К

тому же она намеревалась позвонить Карташову, а это лучше было сделать без Котова, который по старой привычке ревновал ее к полковнику милиции.

Муж ушел на работу довольно быстро. Он допил кофе у себя в кабинете, оделся и, бросив на прощанье «береги себя», ушел. Когда за ним закрылась дверь, Лариса набрала номер и вскоре услышала до чертиков знакомый самоуверенный голос.

– Алло, – солидно пробаритонировал голос.

– Угадай, кто звонит, – бодрячком выпалила Лара вместо приветствия.

– Ты, – тут же ответил без запинки Карташов.

– Молодец, – похвалила Котова своего старого друга. – Делаешь грандиозные успехи.

– Рад стараться, – рассмеялся Карташов. – Зачем звонишь? Выкладывай, не стесняйся.

– Хорошо, постараюсь не отнимать у тебя много времени, – пообещала Лариса. – Мне тут, как обычно, нужно, желательнее побыстрее, решить одну непонятную задачку.

– Записываю, – отрапортовал Олег Валерьянович о своей полной боевой готовности.

– Ты пока погоди записывать, а просто выслушай, – предложила сыщица, придерживая рьяный порыв исполнительности собеседника. – Произошла довольно странная история. Наверняка твой отдел этим занимается.

– Ну, допустим, – вздохнул Карташов. – Это ты об убийстве на улице Безымянная вчера вечером?

– Отнюдь нет, – отозвалась Лариса. – Преступление было совершено несколько дней назад. В собственной квартире был отравлен некто Дмитрий Садовников.

– Так-так, – проговорил полковник. – Я лично не в курсе, но подчиненные, должно быть...

– Для начала хотелось бы узнать результаты медэкспертизы.

– Какая ты быстрая! – хохотнул Карташов. – Это займет время.

– Я подожду... В течение дня сможешь?

– Наверное, – отозвался полковник. – Слушай, Садовников? Так-так... Что-то припоминаю. По-моему, они сейчас разрабатывают версию о собутыльниках этого Садовникова. Если я не ошибаюсь...

– И эта версия, как всегда, ошибочна, – усмехнулась Лариса.

– Это ты брось, зачем так огульно клеветать на наших орлов? У нас работают профессионалы! Ну, мать моя, – протянул Карташов. – Ты прямо-таки думаешь, что одна такая умная, а другие совсем ничего не понимают. Уверен, что всех, кого надо, давно опросили. Мне кажется, ты просто сгущаешь краски и излишне драматизируешь.

– Да вовсе нет, – Лариса рассмеялась. – Я вообще только начала заниматься этим делом, поэтому не знаю, какие версии могут быть ошибочны, а какие нет.

Карташов на некоторое время замолчал, потом откашлялся и сказал:

– В общем, так. Суть дела я уловил и, конечно, помогу тебе в счет наших былых отношений. Результаты экспертизы тебя интересуют. Сделаем... Все, – вдруг спохватился полковник. – Ты уж прости, но заболтался я тут с тобой. А у меня забот, сама понимаешь. Погоня обязывает. Нужно мылить шеи подчиненным. Иначе в нашем деле нельзя. О твоей просьбе не забуду, можешь быть уверена.

«Полковник ведет себя как генерал», – подумала Лара и вспомнила о его комплекции, начинающей приобретать признаки высоконачальственной особы.

Тем не менее это было не так уж плохо – иметь своего человека в милиции, весьма высокопоставленного, к которому всегда можно обратиться за помощью. И он ей пока не отказывает. И к тому же сколько раз он ее выручал, когда ей доводилось попадать в неприятные ситуации!

Так она вспоминала Олега Валерьяновича добрым, с оттенком небольшой критики словом, пока согревался чайник.

* * *

Карташов ее не обманул и позвонил буквально через два часа. Ларисе казалось, что Олегу до сих пор доставляет удовольствие демонстрировать перед ней свою возможность доступа к конфиденциальной информации. Даже в тех случаях, когда оправданность этой секретности была, мягко говоря, под вопросом. Порой даже выходило так, что секрет давно уже не был секретом.

– Извини, но раньше никак не мог, – начал Олег в оправдание. – Должен тебя огорчить, но ясного тут мало. Отравлен ядом с довольно сложным названием, даже не буду пытаться зачитывать, язык сломаешь. Откуда он его взял, непонятно. Не найден источник.

– То есть? – не поняла Лариса.

– Ну, бывает, что в водку подмешают, бывает – в пищу, а тут – ничего, понимаешь? Оперативники обыскали квартиру и не нашли ни бутылки, ни стакана, ничего другого.

– Значит, унесли с собой?

– Значит, – вздохнул Карташов. – Вот, собственно, и все. Время смерти зафиксировано, положение тела... Ну, тебе это, наверное, без надобности.

– Читай, читай!

– Читаю, – послушно откликнулся полковник. – «Смерть Садовникова Дмитрия Олеговича наступила в результате отравления ядом со сложным названием приблизительно в десять часов вечера. Никаких признаков борьбы и сопротивления обнаружено не было. Не было и беспорядка в квартире. Никаких следов насилия. На момент смерти Садовников находился в состоянии алкогольного опьянения средней степени тяжести». Вот в принципе и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.